

ЖИЗЕЛЬ БЕССМЕРТНОВОЙ

Наталья Бессмертнова в роли Жизели.

МОЛОДАЯ танцовщица Наталья Бессмертнова выступила на сцене Большого театра в труднейшей классической партии — Жизели. Ее первые спектакли были отмечены обычными признаками дебюта — смертельное волнение, некоторая «разбросанность» танца. Можно придирчиво пересчитать погрешности новой Жизели и с другой стороны отметить редчайшие природные данные — своеобразную красоту удлиненных линий, удивительный, огромный прыжок и шаг, утонченность и легкость мягких движений, странную, особую выразительность худых, длинных рук.

Итак, можно отметить, с одной стороны, замечательные природные данные дебютантки, а с другой стороны — некоторую незавершенность работы и считать, что на «данном этапе» это явление объективно проанализировано. Но это будет верно только с точки зрения сухого ремесла.

А ведь на самом деле произошло, свершилось чудо — это еще во многом беспомощное, замирающее от страха существо воздействовало на зал почти гипнотически, тысячи глаз с редким в театре напряжением следили за каждым ее движением, независимо от того, было ли оно выполнено абсолютно правильно или в чем-то неправильно с точки зрения строгих классических канонов. Люди смотрели на Жизель Бессмертновой, затаив дыхание, взволнованно и благодарно.

Спрашивается — за что же благодарить молодую актрису, если еще можно сделать ей множество замечаний? За то, что она совсем непохожа на других. За то, что она никому не подражает. За то, что она неповторимо индивидуальна. За то, что она пошла в искусстве своим путем.

Молодая актриса сумела подчинить себе огромный зрительный зал Большого театра, овладеть воображением многих сотен людей, заставила надеяться и ждать чего-то очень большого, подлинного и драгоценного.

И дело не только в физических данных молодой балерины, не только в том, что она как бы самой природой создана для танца. Не менее важно то, что она обладает какой-то внутренней, духовной силой, способностью к поэтической отрешенности от всего мелкого, суетного, прозаического, к трагической самоуглубленности жизни на сцене. Она уже умеет танцевать для себя так, как ей хочется, как подсказывает ей чувство. Эта хрупкая и непосредственная девочка уже личность. У Бессмертновой своя, ни на кого не похожая пластика и свой внутренний мир.

Не хочется сочинять никаких критических концепций на тему «Жизель Бессмертновой». Не хочется говорить о том, что она «показала», «раскрыла», «воплотила» в этой роли. Пока что она обнаружила в ней самое себя, свое артистическое существо. И это самое главное. Со временем придет мастерство, а с ним яснее, точнее станут очертания образа, последовательная и цельная трактовка этой партии. Придут другие образы, другие роли, непохожие на эту, встанут новые задачи сценического перевоплощения, но в разных красках разных партий Бессмертнова в чем-то должна остаться сама собой.

Сколько усилий душевных, интеллектуальных и просто физических требуется для того, чтобы настоящая индивидуальность смогла по-настоящему раскрыться и утвердиться!

Бессмертновой надо как можно больше танцевать, заниматься в классе, думать, читать, по-настоящему мучиться от того, что не все еще выходит, как надо. Хочется верить, что она окажется способной к глубокому артистическому самосознанию, неустанному труду, к суровому и радостному «подвижничеству», каким является жизнь всякого актера.

Б. ЛЬВОВ-АНОХИН,
заслуженный артист РСФСР.

"Известия"
г. Москва 21 дек. 1963г.